

Н. М. Карамзин – человек и писатель в истории русской литературы

Предтекстовые задания

1. Какие прозаические сочинения, написанные русскими писателями до Карамзина, вы можете вспомнить?
2. Какие исторические сочинения, написанные русскими писателями и историками до Карамзина, вы можете вспомнить?
3. Что такое сентиментализм? Назовите крупнейших западноевропейских сентименталистов и их наиболее известные произведения.
4. Как развивался сентиментализм в России в 1770-1780-е гг.?
5. Охарактеризуйте масонский период деятельности Н. И. Новикова.

Лекция

Существуют писатели, которые вошли в историю русской литературы, русской культуры прежде всего своими произведениями. Задумываясь о их роли в истории отечественного самосознания, задумываясь о их значении для литературного процесса, мы обращаемся прежде всего к их книгам. Конечно, нас интересует их биография, но это интерес носит, так сказать, внекультурный характер. Таковы Тургенев, Фет, в какой-то степени Достоевский. Но есть писатели совсем другого типа. Есть писатели, которые стали фактом культуры не только как авторы книг, но и как творцы своей собственной жизни. Их личность, духовный склад этой личности приобретают особое культурное значение. И размышляя над путями русского самосознания, мы неизбежно обращаемся не только к написанным ими страницам, мы обращаемся и к их человеческим обликам, к их характерам, к их «физиономиям», как сказали бы в 18 веке. Таким, бесспорно, был Пушкин, такими были Гоголь, Блок. Таким был и Н. М. Карамзин. (1) С чрезвычайным преувеличением, но можно сказать, что если бы эти люди не написали того, что они написали, они все равно остались бы фактами русской литературы и русской культуры. И не случайно современники Карамзина или жившие вскоре после него люди, размышляя о значении усопшего прозаика и историографа, всегда обращались к его личности. И Вяземский, и Пушкин, и Гоголь, и Жуковский неизменно подчеркивали нравственную высоту Карамзина, чрезвычайно высокий духовный строй его жизни, всегда говорили о том, что в его душе неустанно звучал недремлющий голос совести. И тут, конечно, прежде всего на ум приходит пушкинская характеристика. Характеризуя «Историю государства Российского», Пушкин говорил о том, что это не только замечательное литературное произведение, но и о том, что это «подвиг честного человека».

И действительно, жизнь Карамзина, его человеческое существование можно обозначить этими словами: «подвиг честного человека». На первый взгляд, это кажется несколько странным, ведь жизнь Карамзина в целом сложилась достаточно благополучно. Конечно, в его биографии можно найти и трудные периоды, его сопровождало и горе, и несчастье, не все удачно складывалось и в его взаимоотношениях с властями. Так, например, Карамзин очень тяжело, и вполне естественно, что тяжело, пережил кончину своей первой жены, с которой он жил очень недолго. Большим ударом для него была смерть его друга Петрова, которому он посвятил замечательный очерк, эссе «Цветок на гроб моего Агатона». Сложными были взаимоотношения с властями в Павловское царствование. И даже в его контактах с Александром I, при всей их внешней идилличности, таилось немало трудностей для писателя. Но все-таки жизнь Карамзина, несмотря на эти тени, которые неизбежно набегает на жизнь каждого человека, была, бес сомнения, достаточно счастливой, достаточно удачной. Если мы сравним эту жизнь с жизнью Фонвизина, с жизнью Радищева, тем более, если мы вспомним мучительные последние годы Пушкина, то мы увидим, что жизнь Карамзина была, в целом, успешной. И вместе с тем, она действительно подвиг. Но подвиг совершенно особого свойства.

Когда мы говорим о том, что жизнь Карамзина – это «подвиг честного человека», то невольно вспоминается замечательное стихотворение А. С. Хомякова «Подвиг»: «Подвиг есть и в сраженьи, подвиг есть и в борьбе, высший подвиг – в терпении, любви и мольбе». Именно такой, нравственный подвиг и совершал Карамзин. И результаты этого подвига во многом напоминают то, о чем писал в своем стихотворении Хомяков: «Есть у подвига крылья, и взлетишь ты на них без труда, без усилья выше мраков земных. Выше крыши темницы, выше злобы слепой, выше воплей и криков гордой черни людской». Если сделать скидку на романтическую фразеологию хомяковского текста, то в остальном он очень точно характеризует результаты того духовного и душевного подвига, который совершал Карамзин. Эти результаты состояли в том, что Карамзин, в конечном счете, пришел к редкому для человека состоянию, когда он поступал всегда именно так, как считал нужным. Карамзин действительно не совершал каких-то общественных подвигов. Он не вскакивал с красным знаменем на баррикады, как Рудин в финале тургеневского романа, он не призывал к уничтожению крепостного права, он не выходил на Сенатскую площадь. Более того, он даже не совершал таких импульсивных поступков, как Державин, прямо сказавший Павлу I о том, что император безумен. Карамзин, в принципе, вел себя сдержанно. Но во всех его поступках, во всех его словах и действиях его слова и действия не расходились с тем велением, которое сообщала ему совесть. Нравственный императив и внешние проявления

Карамзина всегда соотносились. Это и делает жизнь Карамзина подлинно «подвигом честного человека».

И результатом такого подвига является необычайная внутренняя серьезность и сосредоточенность, которая, в частности, приводила Карамзина, особенно в последние годы его жизни, к достаточно сдержанному и критическому отношению к понятию игры. Я имею в виду, конечно, не формальные игры, не карточные игры, не игры в шахматы. Я имею в виду игру как форму человеческого существования. Как мы знаем, в частности, из работ Й. Хейзинга и многих других исследователей более позднего времени, игра оказывается одной из самых важных форм человеческого существования, это одна из самых важных форм реализации человеческой личности. Карамзин в молодые годы не был чужд этой игре. Достаточно вспомнить его переписку с Лафатером, где Карамзин примеривает, так сказать, разные игровые маски. И впоследствии Карамзин вступал иногда в игровые контакты с аудиторией. Более того, он как писатель, как нарратор, автор нарративных, повествовательных текстов очень часто прибегал к особой игре с читателем, и эта нарративная игра в последние годы становится предметом специального литературоведческого изучения. Но как человек, Карамзин, в целом, начиная с зрелого своего возраста, к игре относился очень плохо. И несправедливо видеть в его позиции какие-то маски, которые надевал на себя Карамзин. Нет, стремясь к чрезвычайной внутренней серьезности, стремясь реализовать свои возможности в подлинной реальности, Карамзин, в конечном счете, всячески избегал игры. И недаром в его переписке мы фактически не увидим игровых моментов. И недаром его переписка довольно сдержанна – о многом и не следует говорить. В известной мере Карамзину был свойственен определенный духовный аскетизм, который проявился, кстати, и в его отношении к литературному творчеству, в его понимании задач писателя. Карамзин считал, что перед писателем стоят очень важные задачи. Писатель должен быть гражданином, писатель должен пробуждать в людях добрые чувства, он должен эстетически и, конечно, этически их воспитывать, но он не должен брать на себя духовное руководство своими читателями. Писатель – это только художник, и литература, при всей важности в человеческой жизни, все-таки не самое главное. Этот внутренний аскетизм, эта предельная трезвенность Карамзина оказалась очень важной. Ведь надо сказать, что в 19, да и 20 веке в русской литературе в основном победил другой тип писателя: писателя-наставника, писателя-духовного учителя своих читателей, который несет ответственность за свою жизнь. Это и Гоголь, это и Толстой, и Достоевский в какой-то степени. Взяв на себя этот тяжелый духовный подвиг, который непосилен светской литературе, светские писатели надломились, а некоторые сломались вообще, как Гоголь. Карамзинский же взгляд на писателя и на литературное творчество был гораздо более

справедливым в своем аскетизме. И не случайно карамзинское восприятие писательского труда во многом соответствовало пушкинскому пониманию задач художника. Так же, как и его гениальный последователь, Карамзин выражал самые здоровые начала русской культуры. Это и делает его человеческий облик особенно культурно значимым, особенно привлекательным. Это и делает Карамзина-человека подлинным фактом истории русской литературы. Как мы видим, Карамзин сыграл очень значительную роль в истории культуры, в историю русского самосознания своей личностью. Но, конечно, основной его вклад – это написанные им книги. Говоря о значении Карамзина-писателя, можно остановиться на некоторых проблемах. Но, наверное, в первую очередь и наиболее естественно – рассмотреть те новые темы, те новые существенные мотивы, которые Карамзин внес в своих литературных трудах в русскую словесность. Прежде всего, и это не раз отмечалось в посвященной Карамзину научной литературе, Карамзин, по существу, был первый, кто обратился к теме города как особого культурного феномена. Под пером Карамзина, прежде всего в его замечательных «Письмах русского путешественника», город предстал особым культурным явлением, которое обладает особым строем жизни. Город как культурное явление надо изучать и постараться выразить в литературном дискурсе. Надо сказать, что здесь Карамзин в русской литературе был действительно первым. До него города, естественно, изображались. Но при изображении городов даже самые проникательные и острые авторы – такие как, например, Д. И. Фонвизин – не старались передать своеобразие каждого города, они не видели в городе культурный, художественный текст, культурный феномен – они сидели в нем только совокупность каких-то зданий, которую сравнивали с русскими городами, прежде всего для того, чтобы подвергнуть их критике. В карамзинских «Письмах русского путешественника» перед нами раскрывается город как факт искусства и как предмет литературного и даже искусствоведческого изображения. Определяющую роль сыграл Карамзин и в литературном оформлении другой, не менее важной темы: темы дружбы. Конечно, в отношении темы дружбы надо быть осторожнее. Карамзин здесь был и не совсем первым и, бесспорно, не единственным. В частности, уже в 1760-70-е годы, когда Карамзин был еще совсем юным, попросту говоря, маленьким, в частной переписке - в письмах Фонвизина к сестре и письмах М. Н. Муравьева, тоже к сестре, создавался образ адресата, в котором выражалась тема единомыслия, одиночества с автором-братом, который является прежде всего другом. Тема дружбы, таким образом, подготавливалась в частной переписке. Подготавливалась она и в более литературном творчестве того же М. Н. Муравьева. Но все-таки ведущую роль в литературном оформлении этой темы сыграл все же Карамзин. Он нашел нужные слова для того, чтобы выразить дружбу не как идеологическое

единство, не как идейную близость, а как совершенно особое чувство, близкое любви, но, вместе с тем, принципиально от любви отличное.

Родоначальником оказывается Карамзин и в отношении другой важной темы русской литературы – в отношении темы детства. Как известно, понимание совершенно особой специфичности детства, понимание таинственного мира детства происходило постепенно и весьма неспешно. В Европе лишь 17 век был, по существу, открытием темы детства. В России же, как это нередко бывает, данное открытие запоздало. Весьма показательны в этом отношении портреты Вишнякова, изображающие сестру и брата Ферморов. (3) (4) С тонкостью и большой выразительной силой на этих портретах создаются два образа, но это не дети, а это светская дама и блестящий кавалер. Детский же возраст этих дамы и кавалера проявляется только в том, что они изображены небольшого роста. Вишняковские персонажи – не мальчик и девочка, они мужчина и женщина в уменьшенном виде. То же самое мы можем сказать и о литературе. Когда в литературных текстах – например, в «Отрывке из путешествия в И. Т.» или даже в «Недоросле» Фонвизина – возникают по существу дети, они изображаются как взрослые, а не как дети. Конечно, во 2-й половине 18 века очень живо заинтересовала многих русских авторов проблема воспитания. Однако, рассматривая детские образы в своих педагогических сочинениях, такие авторы как Муравьев, Радищев и даже отчасти Фонвизин все-таки изображали скорее педагогические схемы, а не живых людей. Карамзин же едва ли не первый сумел показать атмосферу детства, навсегда ушедшую из души взрослого человека, но в чем-то и оставшуюся, притягательную и желанную. Тут можно вспомнить и некоторые фрагменты из «Писем русского путешественника», и, конечно, неоконченный роман «Рыцарь нашего времени». В этих произведениях возникающая под пером Карамзина тема детства сыграла огромную роль в дальнейшем развитии автобиографической прозы. И С. Аксаков, и Л. Толстой, и Я. Полонский в своем романе «Признания Сергея Челыгина» - все так или иначе шли по той дороге, которую наметил Карамзин. Мы видим, что под пером Карамзина в русскую литературу входят многие важнейшие темы – это тема города, дружбы, детства. При этом заслуга писателя состоит в том, что он не просто ввел эти темы – он сумел создать подходящий для разговора об этих темах новый художественный язык. И не просто художественный язык. Он сумел настолько обогатить литературный язык, что его художественный язык стал важнейшим фактором создания нового литературного языка в целом. Действительно, новому слову, которое сказал в русской литературе Карамзин, естественно требовался новый стиль. И здесь Карамзин также выступает подлинным реформатором, он предстает одной из самых крупных фигур не только в истории литературного стиля, но и в истории литературного языка. Ведь, меняя слог русской прозы, он тем самым существенным образом обновил весь русский язык. Надо

сказать, что вопрос о роли Карамзина в истории русского литературного языка обсуждался очень долго: начиная от Шишкова и до нашего времени, и обсуждение это было весьма бурным. Ведь до сих пор сталкиваются оценки и суждения достаточно противоречивые, даже полярные: с одной стороны, апологетика Карамзина-реформатора литературного языка, с другой стороны – его резкая критика. Вопрос о значении Карамзина в истории русского литературного языка действительно принципиален и важен. Но менее существенна другая сторона этой проблемы, которая ближе для нас как для историков литературы. Она касается общих основ карамзинского стиля. Этот стиль, языковой фундамент которого после современных исследований, прежде всего, исследований Б.А. Успенского, более или менее прояснен, часто упрекали в манерности и жеманности. Но известная претенциозность карамзинского слога, его прециозность не должна абсолютизироваться. Прежде всего, как тонко показал А. В. Чичерин в своей замечательной книге «Очерки по истории русского литературного стиля», писатель насыщает свою речь такими оттенками чувства и мысли, упразднение которых не только обеднило бы эту речь, но лишило бы ее смысла. Так, например, Шишков, критикуя карамзинский стиль, предложил заменить карамзинское выражение «когда путешествие сделалось потребностью души моей» более простыми словами: «когда я полюбил путешествовать». Но ведь очевидно, что слова «когда я полюбил путешествовать» совершенно неадекватны выражению «когда путешествие сделалось потребностью души моей». В этом переложении карамзинского фрагмента, переложении карамзинской фразы пропадают важнейшие оттенки чувства и мысли. Перифрастичность и изысканность, которые действительно свойственны карамзинскому стилю, оказываются необходимыми для точного и ясного выражения мысли и настроения. Стиль, тем самым, становится глубоко содержательным, и поэтому, несмотря на всю искусность, сделанность, некоторую неестественность карамзинского стиля, в глубине своей он подлинно естественен, ибо естественность художественной речи состоит в ее полной осмысленности и содержательности, когда иначе и нельзя сказать.

Кроме своей глубокой естественности, стиль Карамзина-прозаика разнообразен даже в пределах одного текста. В одном произведении мы можем обнаружить гибкость и неоднотонность, разнотипность карамзинского слога. Так, например, в «Письмах русского путешественника» трезвость и четкость детализированных описаний сменяется взволнованной поэтичностью, меланхолическая грусть и мягкий юмор идут рука об руку. И в меньших по объему сочинениях берутся разные слова и употребляются весьма по-разному. Так, в одной из самых значительных ранних повестей Карамзина, в повести «Наталья – боярская дочь», соединяются ироническая оценка современных автору нравов и мод, шутивное, в духе Стерна, следование за фантазиями и мечтами автора, нежно-

сентиментальное описание любви Алексея Милославского и Натальи. Кроме этого, это картины героической битвы с литовцами. И стиль этой небольшой повести меняется в соответствии с предметом изображения. «Только страшусь обезобразить повесть ее. Боюсь, чтобы старушка не примчалась на облаке с того света и не наказала меня клюкою своею за худое риторство». А совсем иные слова найдены для раскрытия переживаний Натальи, иначе они сцеплены. «Ах, для чего самая нежнейшая, самая пламенная из страстей родится всегда с горестью, ибо какой влюбленный не вздыхает, какой влюбленный не тоскует в первые дни страсти своей, думая, что его не любят взаимно». И вновь совсем по-другому: «Сражение было самое жестокое. Уже первый ряд русского воинства, теснимый бесчисленным множеством литовцев, начал колебаться и хотел уступить врагу сильнейшему, но вдруг, как гром, загредел голос: «Умрем или победим!». И в то же мгновение от рядов российских отделился молодой воин и с мечом в руке бросился на неприятеля». Как мы видим, на сравнительно небольшом пространстве сталкиваются разные стилистические тенденции, обнаруживается большое стилистическое разнообразие. Стиль Карамзина действительно разнообразен, но он не пестр. Этот стиль внутренне един, а его ответвления – лишь результат полного созвучия выразительных средств своим предметам. Это, пожалуй, и есть самое главное в языке Карамзина: язык его прозы идеально отобран для того, чтобы выразить требуемое содержание. Соответствие между словом и мыслью и позволило писателю совершить великие художественные открытия: выработать художественные языки, какими до сих пор пользуется русская культура. Так, темы дружбы или детства в карамзинской интерпретации оказались столь важными для российской словесности именно потому, что Карамзин сумел подобрать нужные слова и нужный тон для их раскрытия. И позднейшие авторы вольно или невольно, прямо или опосредованно ориентировались на них. То же можно сказать и о самом важнейшем литературном произведении Карамзина – «Истории государства Российского». (2) «История государства Российского» - это действительно центральное произведение Карамзина, именно в «Истории» писатель сумел преодолеть свойственное ему трагическое осознание исторического процесса. Вникая в прошлое, по мнению историка-писателя, читатель научается понимать, что гибель героев добродетельных и достойных не свидетельствует о безнравственности истории. Жизнь человека трагична, но страдания не уничтожают человека, чей голос звучит в веках. Она, то есть история, по словам Карамзина, «питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества». «История государства Российского» вообще стала кладязем духовных и нравственных сокровищ для многих позднейших писателей, художников и музыкантов. И это стало возможным, прежде всего, благодаря тому, что и здесь Карамзин сумел найти

соответствующие слова, найти нужный для передачи истории литературный язык. Пушкин писал, что «Карамзин открыл нам нашу историю, как Колумб Америку». На первый взгляд, это звучит странно. Во-первых, история была и до Карамзина, и, более того, ведь были до Карамзина и тщательные, серьезные исторические труды: например, Татищева, Щербатова, Болтина. Существовали и литературно совершенные исторические сочинения Ломоносова и Сумарокова. Об истории достаточно бойко писали И. Ф. Богданович и Екатерина II. И все же Пушкин прав: Карамзин открыл нам историю именно потому, что он нашел для ее описания действительно подходящую и потому ставшую необходимой манеру. Создан стиль, которым культура стала пользоваться, говоря о средневековом своем прошлом. Прошлое становится близким во многом именно тогда, когда наше культурное сознание вырабатывает соответствующее этому прошлому слово. Такое слово, с одной стороны, часть сегодняшней жизни, но с другой, оно причастно и прошлому, направлено на него и тем самым препятствует его безвозвратному старению. Благодаря своей двунаправленности это историческое слово приобщает отдельные эпохи, описанные при его помощи, к современности, открывает эти эпохи, делает их родственными нам. Именно это слово, двустороннее и живое, выработал в «Истории государства Российского» Карамзин. Именно поэтому Пушкин, А. К. Толстой, Костомаров, в некоторых своих описаниях и С. М. Соловьев, а с другой стороны – Мельников-Печерский, Аксаков, Тургенев и многие другие, бесчисленное количество русских авторов, когда речь заходила о прошлом России, о великих событиях минувших дней, непременно, хотя и с разной степенью приближения, опирались на этот опыт Карамзина. Карамзин создал стиль, и тем самым художественный мир, который оказался в высшей степени исторически продуктивным. Так же, как его старший современник Г. Р. Державин, призывавший Карамзина «петь» и писавший: «Пой, Карамзин! И в прозе глас слышен соловьиный!», Карамзин, несмотря на разделяющую нас толщу времен, не устарел. Он остается писателем, обращение к художественному миру которого до сих пор интересно. И не только потому, что Карамзин раскрывает нам истоки многих важнейших сторон русской литературы: многие произведения своими корнями уходят в его творчество. Карамзин интересен нам потому, что он может прямо тронуть душу современного читателя и тем самым обогатить его внутренний мир. (5)

Притекстовые задания

1. Кто такой А. С. Хомяков?
2. Что вы знаете о жизни и творчестве Иоганна Каспара Лафатера?
3. Дайте характеристику творчества М. Н. Муравьева.
4. Кого из русских портретистов 18 века, кроме И. Я. Вишнякова, вы можете назвать?
5. О чем рассказывается в «Отрывке из путешествия в И. Т.»?

Послетекстовые задания

1. В чем новаторство прозы Карамзина?
2. Какие черты делают «Историю государства Российского» литературным произведением?
3. Как Карамзин относился к масонству?
4. Какой вклад внес Карамзин в развитие русской журналистики?
5. Кто из русских критиков выделял «карамзинский» период русской литературы? Найдите статью, в которой об этом идет речь. К какой аргументации прибегает автор статьи?

Задания для самостоятельной работы

1. Охарактеризуйте поэтическую деятельность Карамзина. Найдите два, с вашей точки зрения, ярких стихотворения писателя.
2. Опишите принципы наррации Карамзина на примере одной из его повестей.

Тесты

1. Какой первый журнал издавал Н. М. Карамзин совместно со своим другом А. А. Петровым?

- «Трутень»
- «Вестник Европы»
- «Покоящийся трудолюбец»?
- «Московский журнал»
- «Детское чтение»

2. Какие страны описываются Н. М. Карамзиным в «Письмах русского путешественника»?

- Германия
- Франция
- Швейцария
- Дания
- Италия
- Испания
- Англия

3. Кто из русских писателей высоко оценивал Карамзина?

- И. А. Крылов
- А. С. Пушкин
- Н. В. Гоголь
- М. Е. Салтыков-Щедрин
- А. А. Фет
- А. А. Блок
- А. П. Чехов

4. Какое произведение Карамзина, с точки зрения Пушкина, доказывает «необходимость самовластья и прелести кнута»?

- «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»
- «Письма русского путешественника»
- «История государства Российского»
- «Разговор о счастии»

5. Кто был активным противником языковой реформы Карамзина?

- А. Н. Радищев
- В. А. Жуковский
- А. С. Шишков
- А. С. Пушкин

6. Какие темы Карамзин активно разрабатывал в своих повестях?

- дружба
- детство
- алчность духовенства
- любовь
- маленький человек
- терроризм

7. В каких повестях Карамзина описываются какие-либо военные действия или упоминается о войне?

- «Наталья, боярская дочь»
- «Бедная Лиза»
- «Сиерра-Морена»
- «Остров Борнгольм»
- «Юлия»
- «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»

8. В каких повестях Карамзина присутствует ситуация любовного треугольника?

- «Сиерра-Морена»
- «Юлия»
- «Остров Борнгольм»
- «Моя исповедь»
- «Чувствительный и холодный»
- «Марфа-посадница»
- «Цветок на гроб моего Агатона»
- «Наталья – боярская дочь»

9. «Историю государства Российского» Н. М. Карамзин завершил временем царствования:

- Петра I
- Екатерины II
- Василия Шуйского
- Лжедмитрия I
- Бориса Годунова
- Иоанна Грозного

10. Н. М. Карамзин ввел в русское письмо:

- знак тире
- букву «й»
- букву «ё»
- букву «э»

Биография

КАРАМЗИН Николай Михайлович (01.12.1766, с. Михайловка Бузулукского у. Самарской губ. — 22.05.1826, СПб). Писатель, теоретик литературы и критик, глава рус. сентиментализма; издатель, журналист, историк. Родился в дворянской семье среднего достатка. Детство провел в с. Знаменское Симбирской губ. и в Симбирске. Учился в частном пансионе сперва в Симбирске, затем в 1780-1783 в Москве в пансионе проф. Московского университета И. М. Шадена; хорошо изучил нем. и фр. яз. По окончании пансиона приехал в СПб, где стал служить в Преображенском полку (куда по обычаю времени был записан с детства). В 1783 в СПб встретился с И. И. Дмитриевым, и между ними завязалась дружба, продолжавшаяся до самой смерти К. Первым выступлением К. в печати был перевод с нем. «швейцарской идиллии» С. Геснера «Деревянная нога» (СПб., 1783). В связи со смертью отца в кон. 1783 — нач. 1784 вышел в отставку с чином поручика и уехал в Симбирск. Здесь на него обратил внимание сподвижник Я. И. Новикова литератор и видный масон И. П. Тургенев (1752-1807). По его совету К. переехал в Москву, вступил в масонскую ложу, стал сотрудничать с Новиковым, А. М. Кутузовым, А. А. Петровым и др. членами новиковского кружка. По словам И. И. Дмитриева, здесь началось «образование Карамзина, не только авторское, но и нравственное» (Дмитриев И. И. Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 25). В 1787-1789 К. принял участие в журн. Новикова «Детское чтение», публикуя здесь свои переводы и оригинальные сочинения — стихи и прозу, в частности первую повесть «Евгений и Юлия» (1789); совместно с Петровым некоторое время редактировал журнал. В программном стихотворении «Поэзия» (1787) высоко отзывался о творчестве Дж. Томсона, Э. Юнга, В. Шекспира, Ф. Клопштока и др. англ. и нем. авторов, обнаруживая приверженность преимущественно к сентименталистским и преромантическим тенденциям европейской литературы. Новая ориентация по сравнению с традициями классицизма проявилась и в его выборе пьес для перевода: трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (М., 1787) и трагедии Г. Э. Лессинга «Эмилия Галотти» (М., 1788). В мае 1789 К. отправился в путешествие по Европе. Побывав в Германии, Швейцарии, Франции, Англии, в сентябре 1790 он вернулся в Россию. Впечатления от поездки послужили основой для создания «Писем русского путешественника» — самого значительного художественного произведения К., над которым он работал в течение нескольких лет. «Письма» начали публиковаться в предпринятом К. изд. «Московский журнал» (1791-1792). К. привлек к сотрудничеству в журнале наиболее авторитетных литераторов — М. М. Хераскова и Г. Р. Державина, поместившего, в частности, в журнале стихотворение «Прогулка в Сарском селе» с лестным отзывом о К. Постоянным и деятельным сотрудником «Московского журнала» стал И. И. Дмитриев. Главное место в журнале занимали публикации самого К.: его проза, стихи, рецензии (как оригинальные, так и переводные). Смелым гражданским поступком К. было выступление со стихотворением «К Милости» (1792), в котором он заступался за только что подвергнутых репрессиям Новикова и членов его кружка, несмотря на то, что к этому времени наметились серьезные расхождения между К. и московскими масонами. Опубликованные в «Московском журнале» повести К. «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь» стали признанными образцами рус. сентиментальной повести. Новаторский характер имели мн. его стихотворения, например, первые рус. баллады «Граф Гваринос» и «Раиса». В отделе

критики К. регулярно знакомил читателей с рус. и зарубежными книжными новинками, помещал отзывы о театральных постановках. В журнале печатались переводы мн. европейских авторов, прежде всего связанных с сентиментализмом — Л. Стерна, К.-Ф. Морица, С. Геснера, Ж.-Ф. Мармонтеля и др. На страницах журнала затрагивались социально-политические и философские проблемы, широко обсуждавшиеся в современной европейской литературе; большое внимание уделялось вопросам эстетики, литературной критики, стиля и языка. «Московский журнал» имел большой успех у читателей и принес К. широкую известность. Мн. из опубликованных здесь своих произведений он включил в сб. «Мои безделки» (М., 1794. Ч. 1-2; 2-е изд.: М., 1797), имевший подчеркнуто камерный характер и противостоявший традициям классицизма (в сб. перемежались стихи и проза, не соблюдалась жанровая иерархия и т. д.). Новым явлением в русской литературе был и издававшийся К. альманах «Аглая» (М., 1794-1795. Ч. 1-2; 2-е изд.: М., 1796), состоявший почти из одних произведений К. и отличавшийся внутренним единством. Опубликованные здесь сочинения (статьи, повести и прозаические этюды, стихи) отразили духовный кризис К., связанный и с его разочарованием в результатах Французской революции 1789-1793 (свидетелем ее событий он был во время путешествия), и с личными переживаниями (смерть его друга юности А. А. Петрова в 1793). Несмотря на крушение мн. просветительских идеалов, К. сохранил веру в спасительное действие наук и искусств, решительно расходясь с Ж.-Ж. Руссо (статья К. «Нечто о науках, искусствах и просвещении», 1793). Писатель преодолел духовный кризис, продолжая творческую и издательскую деятельность. В 1795 он сотрудничал в газете «Московские ведомости», регулярно помещая в отделе «Смесь» оригинальные и переводные статьи. В 1796 отдельным изданием вышли повести К. «Бедная Лиза» и «Юлия», а также его перевод повести Ж. де Сталь «Мелина». В 1796-1799 К. выпустил три тома поэтического альманаха «Аониды». Мн. опубликованные здесь новые стихотворения К. имели автобиографический характер («Послание к женщинам», «Кневерной», «Кверной»). Важной темой его поэзии были проблемы искусства и назначения художника («К бедному поэту», «Дарования», «Протей, или Несогласия стихотворца»). Наиболее многосторонне его талант беллетриста проявился в «Письмах русского путешественника», впервые опубликованных отдельным изданием в 1797-1801. В 1798 К. выпустил собрание своих переводов — «Пантеон иностранной словесности»; в 1801 — «Пантеон русских авторов», содержавший краткие характеристики рус. литераторов. В 1802-1803 К. издавал журнал «Вестник Европы», позднее издававшийся П. П. Сумароковым (1765-1814), М. Т. Каченовским (1775-1845), В. А. Жуковским, В. В. Измайловым. Принципиальным новшеством для литературного журнала был введенный К. раздел, посвященный политике: переводы из зарубежных газет и журналов, обзоры и статьи на политические темы. Одновременно в «Вестнике Европы» К. много внимания уделялось исторической проблематике, воспитанию в согражданах уважения к своему национальному прошлому, к отечественной культуре (статьи К. «О любви к отечеству и народной гордости», «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» и др.). В журнале печатались новые стихи и повести К., обнаруживающие его интерес к проблемам психологизма («Моя исповедь», «Чувствительный и холодный», «Рыцарь нашего времени») и истории («Марфа-посадница, или Покорение Новагорода»). В 1803-1804 вышли в свет «Сочинения» К. (т. 1-8); 2-е изд. — 1814; 3-е изд. — 1820 (т. 1-9). Одним из важнейших результатов деятельности К. было обновление русского литературного языка. Стремясь освободить его от архаизмов и славянизмов, вводя новые слова и заимствования (промышленность, сцена, гармония, моральный и др.), упорядочивая синтаксис, К. способствовал приближению литературного языка к разговорной речи образованного общества. Преобладающим в его произведениях сделался средний стиль, но в соответствии с некоторыми высокими темами он обращался и к высокому стилю. Несмотря на известную ограниченность языковой реформы К., она непосредственно подготовила переход к языковой культуре пушкинской эпохи. После выхода книги А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге» (1803) разогрелась бурная литературная полемика между карамзинистами и

архаистами. Своеобразное продолжение эта борьба получила в 1810-е в литературных спорах «Арзамаса» и «Беседы любителей русского слова».

А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и др. арзамасцы высоко ценили К. и избрали его почетным членом своего кружка. В 1803 К. был официально назначен историографом и смог всецело посвятить себя давно привлекавшей его работе над «Историей государства Российского». К. много работал в архивах и библиотеках, находя отдых в семейном кругу: в 1804 он женился вторым браком на Екатерине Андреевне Колывановой (1780-1851), сводной сестре Вяземского (первым браком он женился в 1801 на Елизавете Ивановне Протасовой, умершей в 1802). Свою работу над историей К. продолжал до самой смерти. Им было написано 12 томов, содержащих описание событий рус. истории до XVII в. В связи с печатанием первых восьми томов «Истории государства Российского» в 1816 К. переехал из Москвы в СПб. Лето он проводил в Царском Селе, где с ним познакомился Пушкин-лицеист, сохранивший на всю жизнь уважение и привязанность к К. и его семье. Александр I покровительствовал К., но писатель неоднократно высказывал свои политические идеи, шедшие вразрез с мнением императора, в частности в «Записке о древней и новой России» (1811, опубликована посмертно). В 1821-1824 вышли из печати 9-11-й тома «Истории», последний, незавершенный 12-й том также был издан посмертно. Некоторые критики полемизировали с К., осуждая его монархическую концепцию. Приняв участие в полемике, развернувшейся в печати вокруг «Истории государства Российского», А. С. Пушкин горячо выступил в защиту К., подчеркивая общественное и нравственное значение его труда и заявил: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России» (Поли. собр. соч. М., 1949. Т. 7. С. 278). Еще при жизни К. мн. его произведения, в т. ч. и «История», переводились на др. языки. Значительный интерес представляет обширное эпистолярное наследие К.: его письма к И. И. Дмитриеву (отд. изд.: СПб., 1866); П. А. Вяземскому (отд. изд.: СПб., 1897); В. А. Жуковскому и мн. др. Творчество К. знаменовало важный период в истории рус. литературы, связанный с расцветом сентиментализма. Художественные и нравственные искания К. по-своему были продолжены Жуковским, Батюшковым, Пушкиным, И. С. Тургеневым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым.

Соч.: Соч. Т. 1-3. СПб., 1848; Избр. соч. / Вступ. ст. П. Н. Беркова и Г. П. Макогоненко. Т. 1-2. М.; Л., 1964; Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966 (Б-ка поэта. Большая серия); Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984; История государства Российского. Кн. 1-4. М., 1988-1989. (Репр.воспр.изд. 1842-1844).

Лит.: П о г о д и н М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 1-2. М., 1866; Л о т м а н Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987; Т о п о р о в В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995; Николай Михайлович Карамзин: Указатель трудов, литература о жизни и творчестве. 1883–1993. М., 1999.

Н. Д. Кочеткова

(Опубл.: Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3 т. Т. 1. Осмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1. СПб.-М., 2003. С. 436–438)